

Этими словами Пушкина назван публикуемый ниже отрывок из книги личных воспоминаний. Я задумал грандиозный проект – перевести стихи лучших поэтов Франции, Ирана, Китая, Индии и ...Соединённых Штатов Америки. Как пример поэтического и культурного взаимодействия в прошлом взамен нынешней, по выражению Гоббса, «войны всех против всех», развязанной во многом по инициативе последней из названных стран. Ведь наверняка не ПРО, не долларом и не желанием глобализировать мир по американскому образцу вспомнят США в будущем. Но именами Эдгара По, Уолта Уитмена, Эзры Паунда, Роберта Фроста... Подобно тому, как почти никто сегодня не знает о курсе римской сестерции по отношению к греческой драхме? А имена Овидия с Эсхилом на достаточно широком слуху и теперь...

Впрочем, выдающихся американских поэтов на сборник я, пожалуй, не наберу. Лучше сделаю антологию англо-саксонской поэзии. Включу туда Байрона, Шелли, Вордсворта, Блейка, Китса... И, конечно, начну с самой высокой англоязычной ноты – с поэзии Шекспира.

Такие мечты живут в душе. Половину из них осуществил – сделал книги французских и суфийских поэтов, перевёл половину китайцев...

Что касается англоязычной поэзии, то для начала застолбил на личной переводческой территории самый знаменитый 66-й сонет самого великого англосаксонского поэта.

* * *

Устал от жизни.

Смерть зову, как отдых.

Брести нет мочи по земной тропе

И видеть подлость в одеяньях модных,

И благородство в нищенском тряпье.

И совершенный Лик в пренебреженье.

И женскую поруганную плоть.

И силу у порока в услуженье.

И что нет сил порочность побороть.

И хор невежд, слывущий мудрым клубом.

И ставшее бумагой серебро.

И простодушье названное глупым.

И злом порабощённое добро.

Устал смертельно. Всё покинуть хочется.

Но как Любовь оставлю в одиночестве?!

Да. Как эти стихи великого англосакса не перевести заново, если дважды повторяющееся в начале и конце сонета «tired with all these» – «устал от всего этого» лучший переводчик сонетов Шекспира на русский язык Самуил Яковлевич Маршак переводит в первом случае как:

«Зову я смерть. Мне видеть невтерпёж...»

А во втором:

Мне мерзостно, что вижу я вокруг.

Но как тебя покину, милый друг!

В последнем ключевом двустишии Маршак вообще потерял дух всего вышесказанного. Получилась заурядная инвектива веку и противопоставление мрачному английскому Средневековью утешительной фразы, словно взятой из «жестокého романа».

А ведь Любовь с большой буквы в сонете Шекспира, хотя и прописана с маленькой (*my love*), вмещает в оригинале и осуждение, и смятение, и робость покинуть эту жизнь, от которой смертельно устал автор. Короче, вовсе не ограничивается «милой»...

Ох, не стану дальше порочить прекрасного переводчика Бёрнса. Случается и на старуху проруха.

Скажу о главном, ради чего написана глава о собственной переводческой деятельности.

На задуманный проект «Евразийская муза» у меня может не хватить времени и силёнок.

Друзья по поэтическому цеху русской поэзии!

Может быть, кого-то из вас помоложе заразит идея отобрать и перевести всё лучшее в мировой поэзии? Нельзя отдавать переводческое дело в руки ремесленников, а наше будущее банкирам и торговцам. Невозможно продолжить жизнь русской музы, да и всю нашу жизнь, не опираясь на надёжные плечи великих поэтов-евразийцев прошлого.

Теперь о Пушкине, сонетной форме и собственных сонетах. Работая над переводами, я убедился в заразительности и живучести сонетного жанра. Эта форма существует почти у всех народов мира. В России она очень популярна. Достаточно сказать, что весь «Евгений Онегин» написан так называемой «онегинской строфой», которая представляет собой не что иное, как «гибридный сонет», созданный Пушкиным под влиянием итальянской, французской и английской его разновидностей.

Не могу не заметить, что учредитель и редактор журнала Анатолий Побаченко, гостеприимно предоставивший мне страницы своего издания, сам автор многочисленных сонетов.

Филологи всего мира датируют рождение сонета XIII веком, а страной его происхождения называют Италию. Между тем, работая над переводами поэтов Ирана и Китая, я столкнулся с неожиданным фактом – четырнадцатистроичные стихи со всей смысловой нагрузкой, присущей сонету, писали персы-суфии несколько веков раньше. А в китайской «Книге песен» – Ши цзин, созданной в I-м тысячелетии до н.э., сонет с катренами и терцинами присутствует ещё раньше.

Словом, этот жанр увлек и меня, я написал несколько десятков сонетов. Часть их предлагается здесь.

Подражание Шекспиру

Под старость пишется легко.

Рука набита, ноги – тоже.

Иная жизнь недалеко,

разлука с этой не тревожит.

Под старость слышится легко

призыв знакомый и спокойный,

когда с высоких облаков

звонят безмолвно колокольни.

Под старость дышится легко.

Наполнена душа стихами

о том, что никогда, никто

прервать не сможет их дыханье.

Под старость светит звёздный свет,

когда о нём грустит поэт.

Сонет о советах и книгах

Ты их за век свой с избытком прочёл –
мудрые, также мудрёные книги.
Мысли усвоил, примеры учёл,
как совершали подвижники сдвиги.

Так восприми мой последний совет
несовершенного, в общем-то, старца,
как нам сегодняшней выдержать Свет
и на планете живыми остаться.

Даже Всевышнему честно служа,
все исполняя Его порученья,
так потрудись, чтобы ум и душа
в жизни не сделались Божеской тенью.

Чтобы всегда оставалась жива
сила в руках, а в делах голова...

Голубой сонет

Не верю я уже ни в рай, ни в ад,
наверно, потому, что много тягот.
Да и немало всевозможных ягод
знал на земле. Меня страшит закат

родной страны сильнее, чем жребий личный.
Милее мне её привычный лад,
чем, скажем, склад и образ заграничный,
куда загнать Россию норовят.

Я обожаю русскую весну,
её по-детски небо голубое.
Не принимаю ту голубизну,
которую придумали «плейбои».

Я рад, что мы плейбоям непонятны,
что из Руси не сделать голубятни.

Китайский сонет

И вновь апрельская гроза
Смывает мартовскую ветошь,
Врачует души и глаза
Неизречённо-синим цветом

Растут деревья и цветы
Под шум ветров, при блеске молний.
Но всем раскатам Суеты
Предпочитаем Мир Безмолвный.

Зовёт неслышно Идеал
Среди реформ и революций
Почтить природный Ритуал,
Как завещал старик Конфуций.

Не обесчестить долг и право –
Почуять руку Бога-Дао.

Сонет молитвенный

Слышны одни и те же вздохи:

– Уходит всё куда-то в прах,
В ответ на праведность – подвохи,
и нет конца эпохе драк.

Мы ждём от будущего благ,
но получаем только крохи...
О, Господи! Уйми бардак!
Исполни благостные сроки!

Бог отвечает:

– Я не маг.
Я – труженик, вы – тоже боги.
Через века, через эпохи
выдавливайте личный мрак.

В конце концов, дела неплохи –
вы сами прекратите вздохи...

Сонет об оркестре Гергиева из Северной Пальмиры*

В евразийской дикости привычной,
на которой не поставлен крест,
среди развалин прелести античной
разместился питерский оркестр.

Музыканты северных эмоций
стали здесь на временный причал.

*Так называли до революции Петербург. Сегодня это останки античного города в Сирии.

Нежно зазвенел в пустыне Моцарт,
и Свиридов чудно зазвучал.

В южную нерусскую Пальмиру
донеслась торжественная весть,
что молитва «Господи, помилуй»
действует и Бог на свете есть.

Среди мрачных, бесконечных стычек
загорелся Свет от русских спичек.

Сонет самому себе

Читаешь ли ты книжные страницы,
вникаешь ли в житейские, свои –
покоя нет, он даже нам не снится,
везде труды, искания, бои.

Не знает жизнь ни снов, ни остановок,
природу до конца нам не понять.
Уходит Блок – приходит кто-то новый
упавший флаг поэзии поднять.

Не плачь, что изнемог или негоден,
что обделила родина венком.
На хмуром небе много звёздных родин,
болото бы не стало маяком.

Не траться на шаги по слёзным лужам.
захныкавший, ты никому не нужен.

Спокойный сонет

Не осуждайте, граждане, меня
за похвалу Спокойствию в сонете.
Избитому событиями дня,
ох, нелегко на этом белом свете!

Спокойный ум бездумному не брат.
И камень ураган спокойно встретит.
Но солнцу он не будет утром рад,
злодейство по соседству не заметит.

Я – о другом. Начало и конец
нигде не встретишь. Только перемены...
Спокойствие не вскрыет миру вены,
Не превратит планету в леденец.

Я – за кулак Спокойствия, за стержень,
что нас и всё на этом свете держит.

Суфийский сонет

О, весна без конца и без краю...

А. Блок

Прости, читатель, давние привычки,
что за столом сижу навеселе.
Пишу тебе, а сам твержу себе:
– Живи, не прячь желания в кавычки.

Выращивай весну, когда зима
и делай всё вокруг себя зелёным,
как солнце молчаливо-изумлённым,
ушедшим и от слов, и из ума!

Ум изолгался, сочинив унынье,
отчаянье, бездушие, пустыни...
Всегда есть шанс растить в себе сады.

Свечу зажечь, когда темно повсюду,
создать сонет или помыть посуду...
Творить благословенные труды!

Тупиковый сонет

Известен всем маршрут земной
на море и на суше.
И тот, который в мир иной,
где обитают души...

Он разъяснениями богат,
там знаки всюду тоже:
направо – рай, налево – ад,
а прямо – бездорожье.

Есть, правда, незнакомый путь,
по слухам, тупиковый.
Болота, ямы, кочки – жуть!..
одна надежда – новый.

И все Иваны-дураки
зачем-то ищут тупики.